

ПЕЛАМ
PELHAM WODEHOUSE

P.G. Wodehouse

ВУДХАУС

◆ ДЕВУШКА С КОРАБЛЯ ◆

Пелам Гренвилл Вудхаус

Девушка с корабля

«СОЮЗ»

1921

Вудхаус П.

Девушка с корабля / П. Вудхаус — «СОЮЗ», 1921

ISBN 978-5-6049166-5-0

Оказавшись на пароходе «Атлантик», отправляющемся из Нью-Йорка в Саутгемптон, Сэм Марлоу влюбляется в прекрасную рыжеволосую девушку Вильгельмину Беннет, которая по чистой случайности оказывается на борту того же судна в сопровождении своего давнего приятеля Брима Мортимера. Вот только девушка не обращает никакого внимания на мистера Марлоу, потому что он не соответствует ее высоким стандартам. Но Сэм не привык отступать. И хотя он терпит неудачу на море, в конце концов – побеждает на суше. Не пропустите увлекательную англо-американскую комедию в прозе которая начинается в Нью-Йорке, неторопливо пересекает Атлантику и заканчивается в английском загородном доме, где по ночам происходят самые неожиданные вещи.

ISBN 978-5-6049166-5-0

© Вудхаус П., 1921

© СОЮЗ, 1921

Содержание

Глава I	6
Глава II	13
Глава III	25
Глава IV	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Пелам Вудхаус Девушка с корабля

PELHAM GRENVILLE WODEHOUSE
«THE GIRL ON THE BOAT», 1921

© ИП Воробьев В.А.
© ООО ИД «СОЮЗ»

Глава I

Хлопотливое утро

Сквозь шторы, опущенные на окнах меблированной квартиры, нанятой миссис Хайнетт на время ее пребывания в Нью-Йорке, лучи золотистого солнечного света проникли в комнату наподобие кавалерийских разездов наступающей армии. Было очаровательное летнее утро. Стрелки голландских часов в передней показывали тринадцать минут десятого, стрелки часов в гостиной одиннадцать минут одиннадцатого, стрелки часов на книжной полке без четверти шесть. Другими словами, было ровно восемь часов утра.

Миссис Хайнетт осознала этот факт, повернувшись головой на подушке, после чего открыла глаза и села на постели. Она обыкновенно просыпалась ровно в восемь часов.

Не была ли это та самая миссис Хайнетт, которая завоевала себе мировую славу, как писательница-теософка, автор трудов: «Распространяющий свет», «Нечто о завтрашнем дне» и многих других хорошо известных сочинений? Я очень рад, что вы задали этот вопрос, совершенно верно, это была именно она. Она прибыла в Америку, чтобы прочесть ряд лекций.

В то время в Соединенных Штатах Северной Америки от лекторов не знали куда деваться, ибо почти с каждым парходом, приходившим из Англии, прибывала новая толпа английских лекторов. Романисты, поэты, ученые, философы и самые обыкновенные графоманы, словно какой-то стадный инстинкт охватил их всех одновременно. Это напоминало что-то вроде великого переселения народов в средние века. Тут были мужчины и женщины, диаметрально расходившиеся во взглядах на религию, искусство, политику и почти на все остальные вопросы; эти английские умники сходились только в одном отношении, а именно: что в Америке легко можно подработать на лекциях, и что все они вместе и каждый в отдельности могут одинаково легко «сделать сбор».

Миссис Хайнетт прибыла с первой группой иммигрантов. Несмотря на духовный характер своих писаний, эта женщина обладала значительной деловой сметкой. Таким образом, она была уже на полпути в Америку – прежде чем девяносто процентов всяких поэтов и философов успели отобрать чистые воротнички и получить свои фотографические карточки для наклеивания на паспорта.

Не без сожаления покинула она Англию, так как поездка рта требовала от нее некоторых жертв. Больше всего на свете любила она свой очаровательный дом «Веретена», в Гемпширском графстве, где в течение многих лет проживала ее семья. Этот дом был необходим ей, как воздух, Тенистые дорожки, серебристое озеро, благородные вязы и старый серый камень стен – все это было неразрывно связано с ее существом. Она чувствовала, что «Веретена» принадлежат ей, и она – «Веретенам». К несчастью, с холодной юридической точки зрения, это было не совсем так. Она владела домом только в качестве попечительницы своего сына Юстеса, до тех пор, пока он не вырастет, не женится и не вступит сам во владение имуществом. По временам мысль о том, что Юстес женится и введет в дом постороннюю женщину, возмущала миссис Хайнетт до глубины души. К счастью, ее твердая политика – не спускать с сына глаз и не давать ему возможности разговаривать с женщиной моложе пятидесяти лет – до сих пор предотвращала эту страшную угрозу.

Юстес сопутствовал своей матери и в Америку. Именно его легкий храп донесся теперь из соседней комнаты до ушей миссис Хайнетт, когда она, выкупавшись и одевшись, прошла в столовую, где ее ожидал завтрак. Она снисходительно улыбнулась, прислушиваясь к сонному дыханию своего сына. Она никогда не стремилась приучить его вставать так же рано, как вставала сама, тем более что, оспаривая его право на собственную душу, во всем остальном она

была снисходительной матерью. Юстес встанет только в половине десятого, т. е. после того, как она окончит свой завтрак, прочтет письма и начнет свой деловой день.

Завтрак состоял из булочек, каши и суррогата кофе. Рядом с кофейником, содержащим эту светло-бурую жидкость, лежала небольшая стопочка писем. Миссис Хайнетт закусывала и вскрывала их. Письма, большей частью, были от учеников и касались чисто теософских вопросов. Между ними было приглашение от «Клуба Бабочек» на еженедельный обед. Было также письмо от ее брата Мэлэби – сэра Мэлэби Марлоу, знаменитого лондонского адвоката. В письме говорилось, что сын его, Сэм, поведение которого миссис Хайнетт никогда не одобряла, в непродолжительном времени заедет Нью-Йорк – на обратном пути в Англию. Сэр Мэлэби выражал надежду, что она встретится с ним. В общем, довольно скучная почта. Миссис Хайнетт пробежала письма без всякого интереса, отложив в сторону два-три письма для Юстеса, работавшего у нее в качестве бесплатного секретаря, с тем, чтобы он ответил на них в течение дня.

Не успела она встать из-за стола, как в передней послышались голоса, и перед ней предстала служанка, ирландка, довольно почтенного возраста.

– Сударыня, там вас спрашивает какой-то джентльмен.

Миссис Хайнетт омрачилась. Она не любила принимать по утрам.

– Разве вы не сказали, что я никого не принимаю?

– Но, сударыня, он говорит, что он ваш племянник. Его зовут Марлоу.

От этого известия настроение миссис Хайнетт ничуть не улучшилось. Она не встречала со своим племянником уже лет десять и охотно отложила бы эту встречу на более долгий срок. Она помнила его маленьким сорванцом, который два раза, в периоды школьных каникул, нарушил своим присутствием монашеское спокойствие и тишину их дома. Но кровь, как говорится, гуще воды, и поэтому миссис Хайнетт решила уделить племяннику минут пять. Войдя в гостиную, она увидела там молодого человека, более или менее похожего на всех других молодых людей. С того времени, как она в последний раз лицезрела его, он, по-видимому, порядочно вырос, – как это нередко случается с мужчинами в возрасте между пятнадцатью и двадцати-пятью годами, – и в настоящее время достигал в высоту шести футов, в груди имел около сорока дюймов и весил, приблизительно, пуда четыре. У него было смуглое приветливое лицо, которое в эту минуту портило немного выражение неловкости и смущения, ну, точь-в-точь, как у заблудившегося кота.

– Хэлло, тетя Аделина, – неловко поздоровался он.

– Как живешь Самюэль? – спросила его миссис Хайнетт, недолюбливавшая молодых людей и недовольная тем, что ее утренний покой нарушен, решила с места в карьер, что ее племянник ни на ногу не исправился со времени их последней встречи, Сэм же, воображавший, что он давно уже вырос и стал мужчиной, пришел в смущение, чувствуя, что тетка, как и в прежние времена внушает ему некоторый страх. Она вроде как бы давала ему заметить, что он забыл побриться, а кроме того, у него было такое ощущение, словно он проглотил какое-то снадобье и от этого снадобья у него неприятно наливаются руки и ноги.

– Славное утро, – осторожно начал Сэм.

– Как будто. Я еще не выходила.

– Вот решил заглянуть к вам, поглядеть, как вы живете...

– Очень любезно с твоей стороны. Утром я всегда занята, но... да, это очень любезно с твоей стороны...

Наступила новая пауза.

– Как вам нравится Америка? – спросил Сэм.

– Ужасно не нравится.

– Вот как? Конечно, некоторым не нравится, – сказал Сэм, – в особенности запрещение продажи спиртных напитков, ну и все прочее. Лично мне это безразлично. Я могу пить, могу

и не пить. Мне Америка нравится. Я прекрасно провел здесь время. Все ухаживали за мной, как за богатым дядюшкой. Я ездил в Детройт, знаете, и жители буквально предлагали мне в подарок весь город, да еще спрашивали, не пожелаю я взять и другой в придачу. Ничего подобного я еще не видал. Может быть, я какой-нибудь не разысканный наследник? По-моему, Америка величайшее в летописях мира изобретение.

– А зачем ты приехал в Америку? – спросила миссис Хайнетт, ничуть не растроганная этой рапсодией.

– О, я приехал играть в гольф... Участвовать в турнире, понимаете?

– По-моему, в твои годы, – неодобрительно заметила миссис Хайнетт, тебе следовало бы заниматься чем-нибудь более серьезным. Неужели ты только и делаешь, что играешь в гольф?

– О, нет! Я играю немножко в крикет, немножко охочусь, недурно плаваю, а при случае опять же играю в футбол.

– Удивляюсь, как это твой отец не заставит тебя заняться чем-нибудь более серьезным.

– По правде говоря, он, кажется, начинает подумывать об этом. К тому же отец полагает, что мне следует жениться.

– Он совершенно прав.

– Думаю, что Юстес тоже женится на этих днях, – проговорил Сэм.

Миссис Хайнетт вспыхнула.

– Почему ты это думаешь?

– Что именно?

– Да что он женится?

– Просто потому, что он немного романтик в душе. Пишет стихи и все такое прочее.

– Не думаю, чтобы Юстес женился. Он очень робок. Любит уединение и редко встречается с женщинами. Он почти анахорет.

Сэм хорошо знал это и нередко жалел своего родственника. Он любил кузена той особой покровительственной любовью, которую питают люди с сильными мышцами к существам более слабым, и всегда думал, что если бы Юстес не уединился в «Веретена» с женщиной, которую он, Сэм, всегда считал домоседкой, из мальчика, пожалуй, вышел бы толк. Как в школе, так и в Оксфорде, Юстес, если и не отличался в области спорта, то был все же веселым и славным малым. Сэм вспоминал, как будучи в школе, Юстес с самым бесшабашным видом разбивал ночной туйфлей, колпаки газовых рожках, а в Оксфорде довольно храбро играл на рояле, имитируя Франка Тинни, одного из самых шикарных студентов в колледже Троицы. Да, у Юстеса была здоровая сердцевина, и очень жаль, что он позволил матери закопать себя в деревне, далеко от всех и вся.

– Юстес возвращается в Англию в субботу, – сказала миссис Хайнетт. В ее тоне прозвучала нотка сожаления, Она не расставалась со своим сыном с момента его приезда из Оксфорда и охотно оставила бы его при себе и теперь, но это было невозможно. Необходимо было, чтобы он вернулся в «Веретена», пока она еще пробудет в Америке. Нельзя же оставлять так долго дом во власти прислуги, которая может вытоптать цветочные клумбы, исцарапать полированные полы и позабыть накрыть на ночь салфеткой клетку с канарейкой. – Он отправляется на «Атлантике».

– Великолепно! – воскликнул Сэм. – Я тоже еду на «Атлантике». Сейчас же пойду в пароходную контору и справлюсь, не дадут ли нам общую каюту. А где он будет жить, когда приедет в Англию?

– То-есть как это где? Конечно, в «Веретенах»! Где же еще?

– Я думал, вы сдали ваш дом на лето?

Миссис Хайнетт посмотрела на него так, точно перед ней был сумасшедший.

– Сдала свой дом на лето? Как могла прийти тебе в голову подобная мысль?

– Мне казалось, будто отец говорил, что вы сдали дом какому-то американцу.

– Ничего подобного!

Сэму почудилось, что тетка с каким-то особенным раздражением отвечает на его вопросы. Он не мог знать, что разговоры о сдаче дома уже давно раздражают миссис Хайнетт. Несколько человек просили ее сдать им «Веретена». Больше того, наниматели прямо осточертели ей. Какой-то богатый толстый американец по имени Беннетт, которого она встретила в доме своего брата в Лондоне и затем пригласила к себе, буквально влюбился в местность и просил миссис Хайнетт назначить за дачу какую угодно цену. Не довольствуясь этим, он преследовал ее своими просьбами по радио, в то время как она уже плыла по океану, и продолжал морочить ей голову даже после того, как она прибыла в Нью-Йорк. Не успела миссис Хайнетт прожить в Америке и двух дней, как к ней явился некий мистер Мортимер, который отрекомендовался закадычным другом мистера Беннетта, и снова возбудил вопрос о сдаче в наймы ее дома. В течение целой недели мистер Мортимер пытался заставить ее изменить свое решение и прекратил свои визиты только потому, что ему самому пришлось уехать в Англию. Но дело на этом не кончилось. Как раз сегодня утром среди почты, адресованной на ее имя, миссис Хайнетт, нашла длиннейшую телеграмму от мистера Беннетта, едва не отравившую ей весь завтрак. Немудрено поэтому, что намек Сэма в мгновение ока вывел миссис Хайнетт из состояния обычного спокойствия.

– Ничто не заставит меня сдать «Веретена», – категорически заявила она, поднимаясь со своего места. Сэм почувствовал, что аудиенция кончилась, и, очень довольный этим в душе, тоже поднялся.

– Так я пойду поговорить насчет каюты, – сказал он.

– Хорошо. Я немного занята сейчас, делаю выписки для ближайшей лекции.

– Разумеется, я не стану прерывать ваши занятия. У вас, должно-быть, сейчас очень много работы... Итак, до свиданья.

– До свидания!

Миссис Хайнетт, хмурая, – ибо это посещение несколько взбудоражило ее и нарушило ясное расположение духа, столь необходимое для писания лекций по теософии, присела к письменному столу и начала просматривать заметки, сделанные ею накануне вечером. Не успела она сосредоточиться на работе, как дверь снова открылась, пропустив почтенную дочь Ирландии.

– Сударыня, там пришел какой-то джентльмен.

– Это просто невыносимо! – вскричала миссис Хайнетт. – Разве вы не сказали ему, что я занята?

– Нет. Я провела его в столовую.

– Кто это? Репортер из какой-нибудь газеты?

– Нет. Он в цилиндре, а зовут его Брим Мортимер.

– Брим Мортимер!

– Да, сударыня. Он дал мне свою карточку, но она соскользнула с подносика и затерялась.

Миссис Хайнетт с недовольным видом направилась к двери. В самом деле это становилось невыносимым. Она знала Брима Мортимера. Это был сын мистера Мортимера, желавшего снять на лето «Веретена». Его посещение было, несомненно, связано с этим вопросом, и, направляясь в столовую, она готовилась с холодной яростью уничтожить весь род Мортимеров в лице его нью-йоркского представителя.

– Доброе утро, мистер Мортимер.

Брим Мортимер был высок и худ. У него были маленькие светлые глазки и острый загнутый книзу нос. Он походил на попугая гораздо больше, чем большинство настоящих попугаев. Люди посторонние обычно удивлялись, когда видели Брима Мортимера в ресторане за куском ростбифа. Всем казалось, что он должен предпочитать подсолнухи.

– Доброе утро, миссис Хайнетт.

– Садитесь пожалуйста.

Брим Мортимер оглянулся, словно отыскивая жердочку, на которую он мог бы вспрыгнуть, но затем сел на стул. Он обвел комнату своими маленькими светлыми глазками.

– Миссис Хайнетт, мне необходимо переговорить с вами наедине.

– Вы со мною наедине.

– Не знаю, как начать...

– В таком случае, позвольте мне помочь вам. Это совершенно невозможно, я никогда не соглашусь!

Брим Мортимер выразил на своем лице удивление.

– Стало-быть вы уже слышали об этом?

– Я только об этом и слышу с момента моей встречи с мистером Беннеттом в Лондоне. Мистер Беннетт ни о чем другом не говорил. Отец ваш тоже ничего другого не говорил. А теперь, – вскричала миссис Хайнетт, – являетесь вы, чтобы снова завести разговор на ту же тему? Заявляю вам раз навсегда, что я не изменю своего решения и ни за какие деньги не сдам мой дом!

– Но я пришел вовсе не за этим!

– Вы пришли не по поводу «Веретен»?

– Нет.

– Тогда будьте добры объяснить причину вашего прихода.

Брим Мортимер казался смущенным. Он загозил на стуле и задвигал руками, как будто желая похлопать ими.

– Видите ли, – заговорил он, – я не из тех людей, которые любят вмешиваться в чужие дела... Он смутился и замолчал.

– В самом деле? – переспросила миссис Хайнетт.

– Я не из тех, которые заводят сплетни с прислугой...

– В самом деле?

– Я не из тех, которые...

Миссис Хайнетт никогда не считалась нетерпеливой женщиной.

– Будем считать все ваши отрицательные качества бесспорно установленными, – кратко сказала она. – Я уверена, что существует множество вещей, которых вы не делаете. Ограничимся вопросами более определенными, если вы, конечно, не имеете ничего против этого. О чем именно вы хотели бы переговорить со мной?

– О браке.

– О каком браке?

– О браке вашего сына.

– Мой сын не состоит в браке.

– Нет, но предполагает вступить в брак. Сегодня в одиннадцать часов утра в маленькой церкви за углом.

Миссис Хайнетт подпрыгнула.

– Вы с ума сошли?

– Осмелюсь доложить вам, что я сам тоже не в большом восторге от этого, – проговорил мистер Мортимер. Видите ли, и я влюблен в эту девушку, черт меня подери!

– А кто же она?

– ... Влюблен уже несколько лет. Я из тех молчаливых, терпеливых людей, которые только ходят вокруг да около, глядят и вздыхают, но никогда не заговаривают о своей любви...

– Кто эта девушка, увлекшая в западню моего сына?

– ... я всегда принадлежал к людям, которые...

– Мистер Мортимер! С вашего разрешения будем считать, что вы обладаете также и всеми положительными качествами. Бросим обсуждать этот вопрос. Вы явились ко мне с нелепейшей историей.

– Совсе не нелепейшей. Это непреложный факт. Я узнал об этом от моего слуги, который, в свою очередь, получил сведения от ее горничной..

– Не будете ли Вы любезны сказать мне, кто та девушка, на которой хочет жениться мой заблудший сын?

– Я бы не назвал его «заблудшим», – возразил мистер Мортимер, желавший, по-видимому, оставаться беспристрастным. По-моему, он большой ловкач. Девушка, знаете ли, первый сорт. Мы росли с нею вместе, и я люблю ее уже много лет. По меньшей мере целых десять! Но знаете, бывает такое невезение, что никак не найдешь случая сделать предложение. Летом 1922 года такой случай почти что представился, но мне не удалось воспользоваться им. Я, видите ли, не могу причислить себя к разряду тех смелых, находчивых молодых людей, которые умеют поддерживать оживленный разговор. Я не...

– Если вы будете так любезны, – нетерпеливо прервала его миссис Хайнетт, – и отложите на другое время этот психоаналитический доклад, вы меня премного обяжете. Я хочу узнать имя девушки, на которой намерен жениться мой сын.

– Разве я не сказал вам ее имя? – переспросил с удивлением мистер Мортимер. Странно! Как это вышло? Странно, право, как это иногда думаешь что-то сделать и не делаешь, я, знаете ли, принадлежу к тому роду людей...

– Как ее зовут?

– К тому роду людей...

– Как ее зовут?

– Беннетт.

– Беннетт? Вильгельмина Беннетт? Дочь мистера Руфуса Беннетта? Та самая рыжеволосая девушка, с которой я встретила на завтраке в доме вашего батюшки?

– Вот именно. Вы замечательная отгадчица. Мне кажется, что вам удастся положить конец всей этой истории.

– Несомненно!

– Вот и чудесно!

– Брак этот будет несчастлив и невыгоден для обеих сторон; мисс Беннетт и мой сын не подходят друг к другу.

– Совершенно верно. Я сам тоже так думаю.

– Их ауры окрашены в различные цвета.

– Если бы это пришло мне когда-нибудь в голову, – проговорил Брим Мортимер, – я не забыл бы об этом сто лет. Окрашены в различные цвета... Теперь дело ясно, как шоколад.

– Очень вам признательна, что вы пришли рассказать мне об этом. Я немедленно приму меры.

– Прекрасно-с. Но как же именно? Сейчас уже довольно поздно, а она будет в церкви к одиннадцати часам.

– Но Юстеса там не будет.

– Вы полагаете воспрепятствовать ему?

– Юстеса в церкви не будет, – повторила миссис Хайнетт.

Брим Мортимер подпрыгнул в кресле.

– Вы снимаете тяжесть с моей души.

– Я полагаю, что душа едва ли создана для переноски тяжестей.

– Так я пойду. Я, извините-с, еще не завтракал. Слишком был удручен. Теперь полегчало. Три яйца и ломоть жареной грудинки придутся сейчас как нельзя более кстати. Мне так кажется, что на вас можно положиться.

- Вполне.
- Так позвольте пожелать вам всего доброго.
- Прощайте.
- Совершенно верно, прощайте. Я в субботу уезжаю в Англию на «Атлантике».
- В самом деле? Мой сын также уезжает на этом пароходе.

Брим Мортимер вопросительно посмотрел на писательницу.

- Надеюсь, вы не сообщите ему, кто разрушил его планы.

– Простите?

- Я хочу сказать-вы не подольете масла в огонь?

– Я не вполне понимаю вас.

- Вы не скажете ему, что именно я испортил всю его игру?

– Я не упомяну ни единым словом о вашем рыцарском поступке.

– Рыцарском? – повторил Мортимер, с некоторым сомнением в голосе. – Мне, конечно, судить трудно, но я вряд ли назвал бы его вполне рыцарским. Разумеется, в любви, как на войне, все дозволено. Во всяком случае, я чрезвычайно рад, что вы скроете от него мое участие в этом деле. Иначе мне было бы неприятно встретиться с ним на пароходе.

– У вас мало шансов встретиться с Юстесом. Он чрезвычайно равнодушно относится к морю и большую часть времени будет проводить в каюте.

– Тем лучше! Меньше недоразумений. Прощайте!

– Прощайте. Передайте мой поклон вашему батюшке!

– О, он не забыл вас, – признался Брим Мортимер.

Миссис Хайнетт была женщина решительная. Еще во время разговора с посетителем в голове ее запрыгали мысли, точно пузыри на воде. А когда дверь за Бримом Мортимером закрылась, у нее уже были готовы целых семь планов. Оставалось только выбрать из них самый лучший и самый простой. Она на цыпочках направилась в комнату сына. Ритмическое похрапывание долетело до ее внимательного слуха. Она открыла дверь и бесшумно вошла в комнату.

Глава II

Отважный поступок хорошо одетого молодого человека

§ 1

Пароход компании Уайт-Стар «Атлантик», ошвартованный у самого мола, стоял под парами со спущенными сходнями, готовый к отплытию в Саутгемптон. Час отхода приближался, и на палубе парохода была большая сутолока. Матросы травили канаты. Младшие офицеры сновали взад и вперед. Официанты в белых костюмах сгибались под тяжестью чемоданов, и даже капитан, скрытый от взоров публики, был, по всей вероятности, занят каким-нибудь полезным делом по мореходной части. Мужчины, женщины, ящики, пледы, собаки, цветы и корзины с фруктами вливались в пароход непрерывным потоком.

Обычная толпа граждан собралась поглазеть на путешественников. Среди мужчин, занесенных в список пассажиров, были такие, которых провожали отцы, матери, сестры, кузины и тетки. А одну из пассажирок, пожилую еврейку, явились провожать тридцать семь человек соседей с Ривингтон-Стрит. Двух мужчин в каюте второго класса проводили даже сыщики, что, разумеется, следовало считать верхом предупредительности со стороны великой нации. Пещеро-подобное здание таможни было сплошь набито друзьями и родственниками, и Сэм Марлоу, пробираясь к сходням парохода, должен был пустить в ход всю мускульную силу и энергию, которыми наделила его природа и которые он значительно развил сам атлетическими упражнениями. Тем не менее, после нескольких минут молчаливых усилий, в течение которых он то оттеснял плечом в сторону какого-нибудь мужчину, то вежливо снимал со своего пути какую-либо толстую особу женского рода, он, наконец, увидел перед собой желанную цель. Вдруг острая боль в правом плече заставила его вскрикнуть и оглянуться.

Сэму показалось, будто его укусили, и это сильно озадачило его, ибо, если нью-йоркская толпа часто толкается, то кусается она все же очень редко.

Оглянувшись, он очутился лицом к лицу с чрезвычайно красивой девушкой.

Это была рыжеволосая девушка с белой, точно слоновая кость, кожей, неразлучной спутницей рыжих волос. Глаза ее под тенью большой шляпы показались ему зелеными, но возможно, что они были голубыми, возможно, что и серыми. Для него это было неважно, так как относительно женских глаз он придерживался вполне правильного принципа. Если глаза большие и блестящие, то, право, не стоит капризничать из-за их цвета. Нос у нее был маленький, и на самом кончике его красовалась чуть заметная веснушка. Рот был очень красивый, подбородок мягкий и закругленный. Рост у нее был как раз такой, как полагается каждой хорошенькой девушке. Фигурка хрупкая, ножка узенькая и платье того сорта, который мужчины обыкновенно называют «очень миленьким».

Природа ненавидит пустоту. Самюэль Марлоу был впечатлительным молодым человеком, и уже в течение нескольких месяцев сердце его было свободно от постоя, чисто выметено, а на пороге лежала циновка с надписью: «Добро пожаловать». Девушка моментально кинулась туда и заполнила все сердце. Она была не самой хорошенькой из тех, кого он видел до сих пор. По красоте она могла занять лишь третье место. Сэм любил порядок и был способен классифицировать даже девушек; однако, в этой было что-то особенное, не поддающееся определению, с чем он никогда еще не сталкивался. Он конвульсивно проглотил слюну. Его прекрасно развитая грудь слегка расширилась под синей фланелевой рубашкой, и в ту же секунду он ска-

зал сам себе, что он влюбился, решительно влюбился с первого взгляда, а это, конечно, тоже имеет свое значение. Он даже сомневался, случилось ли с кем-нибудь прежде в истории мира нечто подобное. Ах, схватить в объятия эту девушку и...

Но она укусила его в плечо. Вряд ли с ней можно позволить себе что-либо в этом роде.

– Извините, пожалуйста, – воскликнула девушка.

Конечно, раз она сама высказывает сожаление по поводу содеянного ею... ведь, импульсивная девушка может в конце концов укусить вас в плечо в момент раздражения, обладая в то же время нежной, женственной натурой.

– Видите ли, толпа вредно действует на нервы Пинки-Будлс.

Сэм, может-быть, и не понял бы этой фразы, если бы в этот момент из-под пледа, который держала под мышкой девушка, не раздался визгливый лай. Он отчетливо выделился на фоне смешанного гула голосов разных маменек, твердивших разным сынкам и дочкам, чтобы они берегли себя и писали почаще; разных Биллей, которые уговаривали разных Диков заглянуть в Париже к старине Джо и передать ему поклон, выкриков торговцев фруктами, сладостями, журналами, американскими флагами, телеграфистов и прочего люда.

– Надеюсь, он не сделал вам больно? Вы третий, которого он кусает сегодня. При этом девушка, как бы поздравляя собачонку, поцеловала ее в кончик черного носа. – Не считая, конечно, официантов в отеле, – добавила она.

С этими словами она исчезла в толпе, и Сэму осталось лишь мечтать о том, что он мог бы ответить ей, и повторять про себя все остроумные, находчивые замечания, которые всегда приходят в голову слишком поздно.

В действительности он так и не сказал ничего. Ни одного звука, кроме первого резкого возгласа, вырвавшегося у него, когда его укусила собачонка. Теперь он внутренне кипел и злился. Что за дикая толкучка! Ведь он чего доброго никогда в жизни не встретится больше с этой девушкой. По внешнему виду она скорее походила на тех девушек, которые приходят провожать друзей, но сами никогда не уезжают. И какое воспоминание сохранит она о встрече с ним. Она смешает его в своей памяти с посещением лечебницы для глухонемых..

§ 2

Сэм добрался, наконец, до сходен, предъявил свой билет и проложил себе дорогу сквозь толпу пассажиров, друзей пассажиров, стюардов, младших офицеров и матросов, запрудивших палубу. Он спустился вниз по главной лестнице, где ощущался сильный запах каучука и маринованных огурцов, добрался до столовой и отсюда повернул по узкому коридору, ведущему в его каюту.

На больших океанских пароходах каюта – вещь чрезвычайно странная. Когда вы разглядываете ее на плане, в конторе пароходной компании, и служащий этой компании, показывая ее вам, обводит вокруг карандашом, она кажется вам очень просторной, у вас создается впечатление, будто после того, как вы уложите в ней все свои чемоданы, у вас еще хватит места для приема немногочисленных друзей и даже для импровизированных танцев. Когда же вы являетесь на пароход, оказывается, что каюта уменьшилась до размеров какого-то маленького буфетика, куда невозможно засунуть даже кошку. А затем на другой день, после выхода парохода в море, каюта снова значительно увеличивается. По той или по другой причине необходимость засовывать туда кошку отпадает, и вы начинаете чувствовать себя в ней вполне комфортабельно.

Покачиваясь на узенькой ступеньке, которая на плане была пышно обозначена диваном, Сэм начинал испытывать гнетущее чувство, появляющееся обыкновенно при второй фазе. Он готов был уже пожалеть, что убедил пароходную компанию дать ему другую каюту, дабы иметь возможность путешествовать в обществе своего кузена Юстеса. Им придется тут тесновато.

Чемоданы Юстеса находились уже в каюте и буквально загромождали ее. Но Юстес был славным малым и веселым спутником. А Сэм сознавал, что если рыжеволосой девушки не будет на пароходе в числе пассажиров, то потребность его в веселом спутнике может сильно обостриться.

В коридоре раздались чьи-то шаги. Отворилась дверь.

– Хэлло, Юстес! – воскликнул Сэм.

Юстес Хайнетт молча кивнул головой, присел на чемодан и испустил глубочайший вздох. Это был невысокого роста, хрупкий на вид молодой человек, с бледным, не глупым лицом. Черные волосы прядями спускались ему на лоб. Он был похож на человека, пишущего белые стихи, так оно и было в действительности.

– Хэлло! – произнес он глухим голосом.

Сэм с удивлением взглянул на кузена. Он не видел его уже несколько лет, но, помня его по университету, ожидал встретить теперь нечто более жизнерадостное. Больше того, он надеялся, что Юстес внесет массу оживления в их путешествие. Человек же, сидевший сейчас перед ним на чемодане, вряд ли годился на эту роль, даже в обществе, состоящем исключительно из русских романистов.

– В чем дело? – спросил Сэм

– Дело? – безрадостно улыбнулся Юстес. – Ни в чем, решительно ни в чем... только сердце разбито у меня. – Он многозначительно посмотрел на графин с водой, стоявший на полке над его головой, предмет, совершенно невинный, заготовленный паровой компанией для тех пассажиров, которым вздумалось бы во время переезда почистить себе зубы.

– Если ты хочешь выслушать мою историю... начал он.

– Давай, брат!

– Она коротка.

– Тем лучше!

– Вскоре после моего приезда в Америку я встретил девушку...

– Кстати, о девушках, – восторженно перебил его Сэм – я только-что встретил одну, так второй подобной не найти, брат, в целом свете. Дело было так: я пробивался сквозь толпу к пароходу, когда вдруг...

– Кто из нас будет рассказывать свою историю, я или ты?

– Ах, извини, пожалуйста, продолжай.

Юстес Хайнетт впери свой взор в печатную бумажку, наклеенную на стену и уведомлявшую пассажиров данной каюты, что их стюарда зовут «Джон Мидгли».

– Это была необыкновенная очаровательная девушка.

– И моя тоже. Даю тебе честное слово, что в жизни своей я не видал ничего подобного...

Конечно, если ты предпочитаешь, чтобы я отложил свой рассказ... – холодно начал Юстес.

– О, извини, пожалуйста! Продолжай.

– Это была необыкновенная, очаровательная девушка.

– Как ее звали?

– Вильгельмина Беннетт. Это была необыкновенная, очаровательная девушка и притом поразительно умная. Я читал ей все написанные мною стихи, и они страшно нравились ей. Она любила также мое пение. Беседа со мною, по-видимому, сильно интересовала ее. Она восхищалась моим...

– Понимаю. Теперь продолжай свою историю.

– Не перебивай пожалуйста, – сердито промолвил Юстес.

– Я испугался только, что ты не успеешь закончить: ведь весь переезд длится каких-нибудь восемь дней.

– Теперь я забыл, на чем остановился.

– Ты рассказывал, что она была очень хорошего мнения о тебе. Что же случилось? Должно быть, когда ты явился делать предложение, оказалось, что она уже обручена с кем-нибудь другим.

– Ничего подобного, я просил ее руки и получил согласие. Оба мы решили повенчаться без всякой помпы. Она боялась, что отец ее помешает нашей свадьбе, если узнает об этом заранее, а я был уверен, что мать никогда не даст своего согласия на брак с нею, – вот поэтому мы и решили обвенчаться втихомолку. Как раз теперь, – продолжал Юстес, бросая мрачный взгляд вокруг, – я переживал бы медовый месяц. Все было улажено, я получил нужные документы и уплатил пастору. Я даже купил себе новый галстук для венчания.

– И тут вы поссорились!

– Ничуть не бывало. А что, если бы ты перестал подсказывать мне? Я сам расскажу тебе, как все вышло. Случилось вот что: каким-то образом, не знаю уж как, мать пронюхала об этом. И, конечно, все пошло прахом. Она расстроила нашу свадьбу.

Сэм был возмущен. Он искренно недолюбливал тетку Аделину и, видя горе кузена, негодовал на все еще больше.

– Расстроила свадьбу? Я уверен, что она сказала тебе: «Послушай Юстес, тебе не следует жениться». А ты ответил: «Слушаюсь, мамаша».

– Она ничего решительно не говорила. Вообще об этом не было никаких разговоров. Может-быть, она даже ничего и не слыхала о моем намерении жениться.

– Но, тогда как же она могла помешать вам?

– Она стащила у меня брюки.

– Стащила брюки?

– Да, понимаешь, все штаны сперла, все как есть. Она встает раньше меня и, по-видимому, зашла ко мне в комнату, когда я еще спал. Тут она и ограбила меня начисто. Когда я проснулся и начал одеваться, я не мог найти ни одной пары брюк. Я искал повсюду. Наконец, я прошел в гостиную, где она писала письма, и спросил ее, не видела ли она где-нибудь моих штанов. Она ответила, что послала утюжить их. По ее словам, она знала, что я никогда не выхожу по утрам, – это отчасти правда, – а к завтраку все брюки будут готовы. Ты понимаешь, а мне надо было быть в церкви в одиннадцать часов утра. Я сказал ей, что у меня назначено в одиннадцать часов в высшей степени важное свидание с нужным человеком, тогда она пожелала, конечно, узнать, какое это свидание; я попробовал придумать что-нибудь, но вышло довольно слабовато, и мамаша заявила, что будет гораздо лучше, если я позвоню по телефону и отложу свидание. Я так и сделал. Позвонил по первому попавшемуся мне в телефонной книжке номеру и сообщил какому-то человеку, которого я никогда за всю жизнь не видел в глаза, что не могу встретиться с ним, потому что я без штанов. Он ответил мне, что я ошибся номером. А мать все время прислушивалась к нашему разговору и так как я знал, что она знает, потому что я чувствовал, что она знает, а она знала, что я знаю, что она знает... Словом, это было отвратительно.

– Ну, а как с девушкой?

– Она отказала мне. Должно-быть, она ждала меня в церкви от одиннадцати до половина второго, и это ей, наконец, надоело. Когда я пришел к ним вечером в гости, она не вышла ко мне, а вместо этого передала письмо, в котором она заявляла, что, по ее мнению, все вышло к лучшему, ибо, подумав обстоятельно, она пришла к заключению, что ошиблась. Далее там было что-то относительно того, что я не так динамичен, как она думала. В заключение писала, что ей хотелось бы иметь мужа вроде Ланселота или сэра Гелехода, и просила меня поставить на этом деле крест.

– А ты ничего не сказал ей про брюки?

– Сказал, но это только ухудшило положение. Она заявила, что может простить человеку все, только не то, что он смешон.

– По-видимому, дело кончено, – сентенциозно произнес Сэм. – От девушки нельзя требовать большего.

– Я сам это чувствую, но это несколько не изменяет того, что жизнь моя испорчена. Я превратился в женоненавистника. Подумай, в какую дьявольскую переделку я попал. Ведь все стихи, написанные мною до сих пор, воспевали женщин, а теперь мне придется обрабатывать этот сюжет с совершенно противоположной точки зрения. Женщины! Когда я подумаю о поведении моей матери и о том, как обошлась со мною Вильгельмина, я только изумляюсь, почему до сих пор не издано никакого закона против женщин. Сколько зла причинили женщины! Кто, например, предал Капитолий?..

– В Вашингтоне? – с удивлением спросил Сэм. Он ничего не слышал об этом до сих пор, хотя, по правде сказать, в газетах он читал только отдел спорта.

– В Риме, идиот! В древнем Риме.

– Ах, так давно!

– Я цитирую стихи из «Сироты» Томаса Отвэя. Как бы я хотел писать такие стихи! Отвэй понимал, о чем говорил. «Кто предал Капитолий? Женщина! Кто погубил для мира Марка Антония? Женщина! Кто вызвал десятилетнюю войну и превратил древнюю Троию в груды пепла? Женщина! Проклятая, лукавая женщина-разрушительница».

– Да, конечно, до известной степени он, может быть, и прав, т. е. в отношении некоторых женщин, я хочу сказать. Но та девушка, которую я встретил сейчас...

– Замолчи! – воскликнул Юстес. – Если ты хочешь сказать о женщине что-нибудь ядовитое, уничтожающее, говори, и я жадно буду слушать тебя. Но если ты хочешь просто распространяться насчет смазливой рожицы какой-нибудь девчонки, в которую ты втюрился по глупости, то ступай рассказывать об этом капитану или корабельному коту, или Мидгли. Постарайся понять, что я переживаю мучительную минуту. Я превратился в развалину, я изнемог, я человек без будущего. Зачем мне жизнь? Любовь? Я никогда не буду больше любить. Работа? У меня нет работы. Вот разве запить.

– Кстати, – сказал Сэм, – надеюсь, что они откроют бар, как только мы отойдем от берега на три мили в открытое море. Ты, наверно, не прочь раздавить по маленькой?

Юстес мрачно покачал головой.

– Неужели ты воображаешь, что я стану проводить время на море в пьянстве и обжорстве? Как только пароход отойдет от пристани, я лягу в постель и больше не встану. Собственно говоря, я думаю, что благоразумнее всего завалиться сейчас же. Пожалуйста, если тебе хочется идти на палубу, не стесняйся.

– Мне начинает казаться – проговорил Сэм, – что я немного ошибся, воображив, что ты сыграешь для меня в этом путешествии роль солнечного луча.

– Солнечного луча? – повторил Юстес, вытаскивая из чемодана пижаму цвета мов. – Не солнечного луча, а вулкана!

Сэм вышел из каюты и направился к лестнице. Ему хотелось пробраться на палубу и удостовериться, нет ли там девушки. Как раз в это время происходило отделение козлиц от агнцев: пассажиры остались на палубе, а их друзья возвращались на берег. Легкое дрожание обшивки судна возвестило Сэму, что разделение, по-видимому, уже кончилось. Пароход начал двигаться. Сэм бросился вверх по лестнице. На палубе она или нет? Ближайшие минуты должны были дать ему на это ответ. Он поднялся по лестнице и вышел на залитую народом палубу. В этот момент раздался чей-то отчаянный крик, покрытый шумом голосов толпы. Сэм увидел, что черная масса людей, перегнувшись через перила, смотрит на воду.

Самюэль Марлоу был не из тех людей, которые проходят мимо какого-нибудь инцидента. Если на улице падала лошадь, он непременно вмешивался в толпу. Как бы он ни был занят, у него всегда находилась минутка, чтобы остановиться и посмотреть на пустое окно, на котором был наклеен билетик: «Следи за этим местом». Словом, он принадлежал почтенному цеху

зевая, и поэтому кинуться к перилам и оттолкнуть в сторону какого-то толстяка в дорожной фуражке было для него делом одного мгновения. Таким образом, он сразу же увидел, что произошло, а через секунду уже сам висел на перилах.

В воде барахтался какой-то человек, верхняя половина которого, высывавшаяся из воды, была облечена в синюю материю. На голове у него был котелок, и он от времени до времени отрывался на секунду от борьбы с водной стихией, чтобы поправить на голове шляпу.

Марлоу едва успел налюбоваться этим зрелищем, как вдруг заметил на палубе пленившую его девушку. Она стояла в нескольких шагах от него и, перегнувшись через перила, смотрела широко раскрытыми глазами на то, что происходило в воде.

Взглянув на девушку, Сэм мгновенно понял, что ему представляется случай произвести на нее самое потрясающее впечатление. Что подумает она о человеке, который, не заботясь о собственной жизни, бросится в воду спасать другого? «Среди присутствовавших есть несомненно мужчины, которые смело могли бы сделать это» – подумал он, готовясь переменить свою позицию на более безопасную.

Как-раз в этот момент толстяк в дорожной кепке, которого Сэм оттолкнул в сторону, прыгнул в воду. Оказалось, что он отступил только для того, чтобы взять разбег. Прыгая в воду, он вывел Сэма из состояния равновесия; молодой человек на одно мгновение повис между небом и водой, а затем, перелетев через борт, устремился на соединение с синим пиджаком, который в это время как раз обнаружил, что шляпа его слезла на бок и остановился, чтобы водрузить ее на место.

§ 3

За тот короткий промежуток времени, что Марлоу провел в каюте в разговоре с Юстесом, наверху произошли довольно любопытные вещи. Не то чтоб какие-нибудь чрезвычайные, но все же довольно любопытные. О них придется рассказать. Всякая повесть, если вы хотите захватить читателя, должна безостановочно развиваться, идти вперед. Она должна двигаться. Она должна перескакивать с утеса на утес, подобно альпийским козам. Если я что-либо ненавижу на свете, так это такую повесть, которая в первой главе заинтересовывает вас своим героем, а во второй начинает рассказывать вам биографию его дедушки. Однако, в данном случае нам придется немного отступить назад. Мы должны вернуться к тому моменту, когда молодая девушка с рыжими волосами, уложив свою пекинскую собачку в каюту, вышла на палубу. Это случилось как раз в то время, когда Юстес начал свой рассказ.

Девушка подошла к перилам и стала сосредоточенно разглядывать берег. На палубе стоял грохот, так как матросы снимали сходни и укладывали их на нижнюю палубу. Девушка издала легкий крик отчаяния. Затем лицо ее вдруг прояснилось, и она замахала рукою, чтобы привлечь внимание пожилого человека с красной физиономией, побагровевшей еще больше от натуги, ибо человек этот только-что проложил себе путь к самому берегу и всматривался теперь в пассажиров парохода, теснившихся у перил.

Судно начало медленно двигаться, направляясь к середине реки. Только тут пожилой человек, стоявший на пристани, заметил девушку. Она старалась что-то просигнализировать ему жестами. Он отвечал ей тем же. Он вынул носовой платок, быстро завязал в него связку банковых билетов, отодвинулся, чтобы очистить вокруг себя место, и, размахнувшись, изо всей силы бросил платок с деньгами по направлению к палубе. Платок описал красивую дугу и, не долетев до парохода приблизительно футов на шесть, упал в воду, где, развернувшись, точно лилия, пустил по воде банкноты достоинством в двадцать, десять, пять и один доллар.

Как раз в этот момент мистер Оскар Свенсон, один из самых меркантильных людей, когда-либо прибывавших из Швеции, сообразил, что ему представляется случай, и, может быть, единственный в жизни, легко и существенно увеличить свои личные сбережения. По

профессии своей он принадлежал к людям, которые зарабатывают себе кусок хлеба тем, что лениво бороздят в лодке водную гладь. Теперь он также сидел в лодке и посылал последние приветствия отчалившему судну, покачиваясь около него на веслах. Увидев перед собой плывущие банкноты, он, разумеется, не устоял против искушения. Издав какой-то отрывистый лай, выражавший собою восторг, лодочник поправил на голове котелок и бросился в воду. Через секунду он уже собирал деньги обеими руками.

Он все еще был занят этим приятным делом, когда сильный всплеск, раздавшийся возле него, заставил его на мгновение скрыться под воду, а, вынырнув на поверхность, он, не без сожаления, заметил, что к нему присоединился молодой человек в синем фланелевом костюме.

– Свенск! – воскликнул мистер Свенсон, а может-быть это было какое-нибудь другое слово, которым уроженцы Швеции выражают свое недовольство. Появление нового лица было ему неприятно. Он отлично собирал деньги один, чувствуя себя, так сказать, господином положения. Сэм Марлоу являлся для него конкурентом, а мистеру Свенсону в этом деле менее всего желательны были конкуренты. «Только тот путешествует быстро, подумал мистер Свенсон, кто путешествует один».

Сам Марлоу был от природы наделен философской жилкой. Он обладал способностью применяться к обстоятельствам. В его планы не входило перелетать через перила и нырять в ту воду, которая походила на суп и от которой, кроме всего прочего, разило нефтью и дохлыми крысами, но теперь, очутившись в ней, он решил как можно лучше использовать свое положение. По счастливой случайности он плавал мастерски, и дома у него даже хранился небольшой кубок, который он получил в школе, как приз на конкурсе спасания жизни. Он хорошо знал, что нужно сделать. Вы заплываете позади жертвы, хватаете ее крепко под мышки и затем переворачиваетесь на спину. Мгновение спустя изумленный мистер Свенсон, плававший сам не хуже любого земноводного и ни минуты не подозревавший, что кому-нибудь придет в голову нелепая мысль спасти его, почувствовал, как его схватили сзади и с силой оттащили в сторону от десятидолларовых банковых билетов, которые он только что собирался поймать. Глубочайшее изумление, вызванное этим нападением, на некоторое время лишил его дара речи. Но если бы даже ему удалось изрыгнуть все шведские проклятья, которые могла изобрести в этот момент его голова, то они, все равно, едва ли долетели бы по адресу, так как толпа на берегу приветствовала смелый подвиг молодого человека восторженными криками. Этим людям нередко приходилось платить хорошие деньги за несравненно менее волнующие зрелища на картинах кинематографа. Теперь они бешено аплодировали. Между тем пароход медленно, но неуклонно двигался к середине реки.

Единственным минусом в школьных конкурсах спасания жизни, – если рассматривать эти конкурсы с точки зрения подготовки пловцов для будущего, – является то, что предметом, спасаемым в подобных случаях из воды, бывает кожаное чучело, а из всех вещей на свете кожаные чучела, пожалуй, самые мирные и флегматичные. Во всяком случае, чучело сильно отличается в этом отношении от одаренного пятью чувствами шведского джентльмена шести футов ростом, как бы изготовленного из стали и каучука, а особенно, если его оттаскивают силою от наличных денег, которые он имеет основание считать своей законной добычей. Вместо того, чтобы инертно лежать в объятиях Сэма и позволить ему спасти себя по всем правилам искусства, мистер Свенсон начал брыкаться так, словно на него напали грабители и убийцы. Несмотря на все свое отвращение ко всякого рода конкурсам и состязаниям, мистер Свенсон пошел бы и на это, однако, лишь при условии, чтобы это было вполне честное состязание. Но оттаскивать своего конкурента от добычи, чтобы захватить ее самому, – вот как чудовищно извращал этот человек благородные побуждения Сама, – этого никак уже не назовешь честным состязанием, и вся душа мистера Свенсона кипела благородным негодованием. Поэтому он немедленно вступил в самую ожесточенную борьбу. Он вытащил из воды свои огромные воло-

сатые руки и метнул ими в сторону, где, как он предполагал, должно было находиться лицо его соперника.

Но Сэм был подготовлен к такой возможности. Опыт научил его, что утопающий человек нередко борется со своим спасителем, вопреки собственным интересам. В таком случае, как это ни жестоко, утопающего следует оглушить, привести в бесчувственное состояние. Сэм решил оглушить мистера Свенсона, хотя, если бы он был знаком с этим джентльменом покороче и знал бы, что тот славится по всему побережью, как обладатель самой крепкой головы, он понял бы всю тщету своей попытки. Приятели мистера Свенсона в подходящие моменты нередко пытались оглушать его с помощью бутылок, сапог и кусков свинцовых труб, но всегда удалялись посрамленные и угнетенные неудачей. Сэм, не осведомленный об этом обстоятельстве, попытался достичь того же самого ударом кулака, который он ловко нанес по самой макушке котелка мистера Свенсона.

Хуже этого он ничего не мог придумать. Мистер Свенсон был очень высокого мнения о своей шляпе, и это грубое нападение на нее как бы подтвердило самые мрачные его подзрения.

Убедившись окончательно, что ему остается только как можно дороже продать свою жизнь, он вырвался из объятий нападающего, повернулся, схватил Сэма за горло, сжал его руки и вместе с ним скрылся под водой.

Проглотив первую пинту морской воды и приступив ко второй, Сэм стал смутно соображать, что ему, кажется, пришел конец. Мысль эта невыразимо возмущала его. Это, по его мнению, было самое глупое и бессмысленное, что могло бы с ним случиться. Почему именно он должен погибнуть таким образом? Почему не Юстес? Вот ему такой конец был бы как раз в пору. Разочарованный Юстес увидел бы в этом возможность освободиться от страданий.

Он прекратил эти размышления, чтобы высвободиться из передних конечностей мистера Свенсона. В этот момент он не сомневался, что на свете не существует более неприятного субъекта, чем мистер Свенсон, даже тетка Аделина и та была лучше. Это был не человек, а спрут какой-то, осьминог. Сэму казалось, что он насчитывает семь отдельных ног, обвившихся вокруг него и по меньшей мере столько же рук. Ему представлялось, что он борется не на жизнь, а на смерть с целой ротой шведов. Он вложил все свое мужество в одно последнее усилие... Что-то как будто подалось... он был свободен. Задержавшись только для того, чтобы отвесить мистеру Свенсону здоровенный удар по физиономии, Сэм всплыл на поверхность. Что-то острое и твердое стукнуло его по голове. Затем что-то подцепило его за ворот пиджака, и, наконец, отдуваясь, как кит, он шлепнулся в лодку.

Немного времени провел Сэм с мистером Свенсоном под водою, но его было достаточно для того, чтобы целая флотилия явилась на сцену для спасания банкнот. Тот факт, что течение в этом месте скрещивалось, не ускользнул от наблюдения навигаторов, и все они поспешили сюда, как один человек. Первым на место происшествия прибыл буксир «Рюбен С. Ватсон», шкипер которого прихватил с собою за компанию свою маленькую дочь. Этому обстоятельству Марлоу и был обязан своим спасением. Женщины нередко вкладывают долю чувства туда, где мужчины усматривают только деловую сторону; девочка настояла на том, чтобы семейный лодочный багор, который был пущен в ход в качестве гарпуна для вылавливания банковых билетов, использовали бы для менее доходной, но более гуманной цели, а именно для извлечения молодого человека из морских глубин.

Шкипер поворчал немного, но уступил; он всегда баловал девочку, – и в результате Сэм оказался на палубе буксира, погруженный в сложный процесс приведения своих чувств и способностей в нормальное состояние. Как во сне он увидел мистера Свенсона, появившегося на поверхности воды нескольких футов от него. Мистер Свенсон поправил на голове котелок и, бросив в сторону Сэма полный отвращения взгляд, быстро поплыл вперед, чтобы перехватить пятидолларовую бумажку, уносимую течением под корму ближайшей лодки.

Сэм сидел на палубе, изображая из себя уличный фонтан. Где-то в голове у него копошилась смутная мысль, что ему нужно что-то сделать, какое-то неясное сознание, будто у него назначено свидание, но он никак не мог сообразить, в чем дело. А пока он только производил предварительные опыты с дыханием. Прошло столько времени с того момента, как он перестал дышать, что теперь ему никак не удавалось наладить это дело сызнова.

– Немножко промокли? – произнес возле него чей-то голос.

Рядом с ним стояла дочь шкипера и сострадательно глядела на него. Что же касается остальных членов семьи, то он мог видеть только широкие, синие сидения их брюк, так как все они, перевесившись через борт, занимались вылавливанием денег.

– Да, сэр. Вы порядком промокли! Я никогда еще не видала такого мокрого человека. Много случалось видеть мокрых, но такого, как вы, никогда. Да, вы здорово промокли!

– Я действительно промок, согласился Сэм.

– Да, сэр, вы промокли. Именно промокли. Здорово промокли, иначе не скажешь.

– Это вода, – пробормотал Сэм. Мозги его все еще были затуманены. Ему хотелось непременно вспомнить, что это было за дело. – Это от воды я так промок..

– Ну, конечно, от воды, – согласилась девочка. Она с интересом рассматривала его.

Зачем вы это сделали? – спросила она.

– Зачем сделал?

– Да, зачем? Зачем вы прыгнули с парохода? Я-то сама не видела, но папа говорит, что вы свалились с палубы, точно мешок с картофелем.

Сэм испустил резкий взглас. Он вспомнил.

– Где он?

– Кто где?

– Пароход?

– Он пошел, кажется, вниз по реке. Я видела как он повернул.

– Не может быть!

– Наверное. А что он, по-вашему, должен был сделать? Ведь он отправляется через океан.

Конечно, он ушел.

Она с интересом посмотрела на него.

– А вы хотели ехать на нем?

– Ну, конечно!

– Тогда зачем же вы свалились в воду, как мешок с картофелем?

– Я поскользнулся. Меня, кажется, толкнули. – Сэм вскочил на ноги и стал дико озираться вокруг. – Я должен попасть на пароход! Нельзя какнибудь догнать его?

– Вы можете захватить его, когда он будет стоять в Карантине в заливе. Он остановится, чтобы спустить боцмана.

– А вы можете довести меня до Карантина?

Девушка бросила нерешительный взгляд в сторону ближайшей пары штанов.

– Могли бы, конечно, – сказала она. – Но папа сейчас как раз вылавливает бумажки багром. Он может взбеситься, если ему помешают.

– Я дам ему пятьдесят долларов, если он доставит меня на пароход.

– А деньги разве при вас? – холодно осведомилась нимфа. У ней была доля чувствительности, но вместе с тем она была дочерью своего отца и унаследовала от него деловую жилку.

– Вот они! Он вытащил из кармана бумажник. С бумажника текла вода, но содержимое его было только чуточку подмочено.

– Папа! – крикнула девочка.

Синие брюки не изменили положения, оставшись глухими к детскому возгласу.

– Папа, дело есть!

Брюки даже не поморщились. Но девочка была с характером. У нее под рукой был какой-то морской прибор, в виде длинной и солидной палки. Взяв его в руки, она махнула им в сторону невнимательного отца, ударив его по той единственной части тела, которая виднелась на палубе. Шкипер резко повернул свое красное бородатое лицо.

– Папа, вот господин хочет, чтобы его доставили в Карантин на пароход... дает пятьдесят долларов.

Гнев замер на лице шкипера, точно огонь, потушенный в керосиновой лампе. Вылавливание денег шло плохо, и до сих пор ему удалось поймать всего один билет в два доллара.

– Пятьдесят долларов?

– Пятьдесят, – подтвердила еще раз девочка.

Спустя двадцать минут Сэм влезал на пароход, возвышавшийся над буксиром на подобие горы. Мокрое платье прилипло к его телу. Какой-то добродушный старик, куривший сигару, облокотившись на перила, удивленно оглядел его.

– Но вы совершенно промокли, сударь, – заметил он.

Сэм с каменным лицом прошел мимо него и поспешно спустился по лестнице.

– Мапочка, почему этот господин мокрый? – проговорил за ним чей-то ясный детский голос.

– Боже мой, сэр, вы совершенно вымокли, – встретил его стюард у дверей столовой.

– Вы страшно вымокли, обратилась к нему горничная в коридоре.

Сэм кинулся в каюту. Он заперся на ключ и опустился в кресло. На нижней койке лежал с закрытым глазами Юстес. Он медленно приподнял веки и посмотрел на Сэма.

– Хэлло – проговорил он, вот так раз! Да ты совсем мокрый...

§ 4

Сэм снял промокшее платье и переоделся в новый костюм. У него не было настроения разговаривать, и нескрываемое любопытство Юстеса действовало на него раздражающе. К счастью, в этот момент легкое дрожание пола и поскрипывание деревянной обшивки возвестили о том, что пароход снова пришел в движение, и его кузен, сразу позеленев в тон французскому горошку, повернулся на другой бок. Сэм застегнул жилет и вышел.

Он миновал справочное бюро и продолжал шагать, опустив голову и нахмутив брови, когда вдруг чье-то восклицание заставило его поднять голову. В то же мгновение нахмуренное чело его прояснилось, точно всю хмурость смыли с него губкой. Перед ним стояла девушка, которую он встретил на пристани. Рядом с нею находился совершенно лишний молодой человек с лицом попугая.

– Как ваше здоровье? – спросила девушка, затаив дыхание.

– Прекрасно, благодарю вас, – ответил Сэм.

– Вы не очень промокли?

– Нет, так только отсырел немного.

– Я думаю! – заметил молодой человек с лицом попугая. – Как только я увидел, что вы прыгнули за борт, я тотчас же сказал самому себе: «этот малый здорово вымокнет».

Наступила пауза.

– Ах, да, – сказала девушка, – позвольте мне, мистер...

– Марлоу.

– Мистер Марлоу. Мистер Брим Мортимер?

Сэм смерил глазами молодого человека. Молодой человек смерил Сэма.

– Чуть не застряли, – проговорил мистер Мортимер.

– Чуть-чуть.

– Это не шутка застрять

– Да, конечно.

– Пришлось бы ехать на следующем пароходе и потерять немало времени, – закончил мистер Мортимер.

Девушка прислушивалась к этому глубокомысленному разговору с нетерпеливым видом.

– О, Брим! – сказала она, наконец.

– В чем дело?

– Сбегайте, пожалуйста, в столовую и посмотрите, оставлены ли нам места для завтрака.

– Все в порядке. Я спрашивал метрдотеля.

– Все-таки пойдите и выясните точно.

– Хорошо.

Он запрыгал, а девушка, сияя глазами, повернулась к Сэму.

– Ах, мистер Марлоу, вам не следовало делать этого. Право, не следовало! Ведь вы могли утонуть. Я никогда не видела ничего подобного. Это все равно, как те рыцари, которые прыгали в пасть львам за перчатками.

– Неужели? – неопределенно ответил Сэм. Сравнение не особенно поразило его.

– Нечто подобное могли бы совершить только разве сэра Ланселот или сэра Гелехэд. Но теперь вы чувствуете себя хорошо?

– Да, вполне.

– Ах, я чуть было не позабыла, что мистер Мортимер едет на том же пароходе. Он снабдил меня деньгами. Дело, видите ли, было так. Мне пришлось спешно выехать. Служащий моего отца должен был пойти в банк и достать денег, а затем передать их мне на пристани, но глупый старик опоздал. Когда он явился, сходни были уже сняты, вот он и решил перебросить мне деньги в носовом платке, а они, вместо этого, упали в воду. Но, во всяком случае, вам не к чему было подвергать себя из-за этого опасности.

– Какие пустяки! – ответил Сэм, с улыбкой поправляя галстук и изображая на лице спокойную отвагу. Он никогда не думал, что может почувствовать признательность к тому толстому старику, который столкнул его за борт, но теперь он готов был пойти отыскать его и сердечно пожать ему руку.

– Вы самый смелый человек из всех, кого я встречала до сих пор.

– Ну, что вы!

– Как вы скромны! Но это, должно-быть, свойство всех отважных людей.

– Просто я очень обрадовался возможности быть вам полезным.

– Больше всего поразила меня ваша стремительность. Я всегда восхищаюсь присутствием духа. Вы не колебались ни одной секунды! Вы кинулись за борт, точно вас толкала какая-то неудержимая сила.

– Право, все это пустяки. Все дело в самообладании и находчивости. Некоторым людям это дано, другим нет.

И подумать только, как сказал Брим...

– Все в порядке, воскликнул внезапно появившийся мистер Мортимер. – Я переговорил со stewardом, и он пообещал мне все устроить. Итак, все в порядке.

– Отлично, – сказала девушка. – О, Брим!

– Ну, что?

– Будьте ангелом, сбегайте в мою каюту и посмотрите, удобно ли устроился Пинки-Будлс.

– Наверное.

– Да, конечно, но все-таки сходите. Может-быть, он чувствует себя покинутым. Приласкайте его немножко.

– Приласкать?

– Ну, да, позабавьте его чем-нибудь.

– Хорошо.

– Так пожалуйста.

Мастер Мортимер побежал. У него был вид человека, чувствующего, что ему не достает только фуражки с галуном и узкого мундира, чтобы казаться самым настоящим посыльным.

– Как сказал Брим, – продолжала свою фразу девушка, – вы могли пропустить пароход.

– Это-то, – проговорил Сэм, приближаясь к ней на шаг, – больше всего и мучило меня.

Мысль, что дружба, так очаровательно начавшаяся...

– Но ведь она еще не начиналась. До сих пор мы ни разу не встречались с вами.

– Неужели вы забыли? На пристани...

В глазах ее блеснул лукавый огонек.

– Так, значит, вы тот самый человек, которого укусил бедный Пинки-Будлс?

– Тот самый счастливец.

Лицо ее омрачилось.

– Бедный Пинки немного страдает от корабельной качки. Ведь это его первая поездка по морю.

– Я никогда не забуду, что именно через Пинки познакомился с вами. Не желаете ли прогуляться по палубе?

– Благодарю, не сейчас. Мне нужно пойти к себе в каюту, чтобы распаковать вещи.

Может-быть, после завтрака.

– Я буду ждать вас. Кстати, вам известно мое имя, но...

– О, Вы хотите знать, как зовут меня? – Она весело рассмеялась. – Смешно, что мы спрашиваем об имени всегда в самом конце. Меня зовут Беннетт.

– Беннетт?

– Вильгельмина Беннетт. Друзья, – прибавила она, уходя, – зовут меня Билли.

Глава III

Марлоу прокладывает себе дорогу

Несколько минут Марлоу стоял, как вкопанный, глядя вслед удалявшейся девушке. В голове у него шумело. Умственная акробатика всегда отражается на мыслительном аппарате, и молодого человека нельзя винить за некоторый сумбур в голове, если от него неожиданно, без предупреждения, потребовали, чтобы он в один момент изменил все свои взгляды на все вопросы жизни. Слушая Юстеса, Сэм составил себе не очень лестное мнение о Вильгельмине Беннетт, которая нарушила данное ею слово только потому, что в день бракосочетания его кузен оказался лишенным необходимой принадлежности венчального костюма. С некоторым самодовольством он мысленно сравнивал свою богиню с предметом Юстеса, считая ее неспособной на такую жестокость, а тут вдруг оказалось, что она и есть та самая особа. Это было прямо сногшибательно. Нечто вроде кинематографического фильма, в котором вампир превращается в самую заправскую героиню.

Может-быть, некоторые люди, сделав подобное открытие, усмотрели бы в нем перст провидения, пожелавшего вмешаться в их дела, чтобы спасти их от гибели. Мы должны сказать, что подобная мысль ни на один момент не закралась в голову Самюэля Марлоу. Наоборот, он решил, что составил себе ложное представление о Вильгельмине Беннетт. Он чувствовал, что во всем виноват Юстес. Если эта девушка задела и оскорбила самые высокие чувства Юстеса, то нужно предположить, что мотивы, которыми она руководилась, были в высшей степени благородными и достойными всяческой похвалы мотивами.

Ведь так-то говоря... бедняга Юстес... парень он безусловно хороший во многих отношениях... Но, если смотреть в корень, то что же представляет собою Юстес и какое имеет он право предъявлять требования на монополизацию нежных чувств этой восхитительной и очаровательной девушки? Он горько жаловался на то, что она отказала ему, но какое право имел он хотя бы надеяться, что она выйдет за него замуж? Конечно Юстес, со своей точки зрения, считал девушку бессердечной. Однако, по мнению Марлоу она проявила в этом случае массу благоразумия. Сделав ошибку и поняв это в самый последний момент, она не испугалась и нашла в себе достаточно мужества, чтобы исправить ее. Конечно, ему было жаль Юстеса, но вместе с тем он не мог допустить мысли, чтобы Вильгельмина Беннетт, друзья звали ее Билли, не играла благороднейшей роли в этой истории. Именно в таких женщинах, как Вильгельмина Беннетт, – для друзей Билли, – и заключается вся прелесть жизни.

Друзья звали ее Билли! Он не порицал их за это. Имя было очаровательное и шло ей как нельзя лучше. Он решил попрактиковаться: «Билли... Билли Билли». Слово очень легко сходило с языка. «Билли Беннетт». Очень музыкально. «Билли Марлоу». Еще лучше. «Мы заметили среди присутствующих очаровательную миссис Билли Марлоу»..

Его охватило неудержимое желание поговорить с кем-нибудь о девушке. Разумеется, это легче всего было сделать с Юстесом. Если Юстес еще не потерял дара речи, – а качка в этот момент почти совершенно прекратилась, – то он, наверное, с наслаждением углубится в беседу о своей разбитой жизни. Кроме того, у Сэма была еще другая причина желать общества Юстеса: в качестве человека, чуть было не женившегося на этой превосходной девушке, Юстес казался Сэму чем-то вроде национальной достопримечательности. Он превратился для него в своего рода святыню. Чело его было как бы окружено сиянием. Сэм с благоговейным трепетом вошел в каюту, охваченный приблизительно таким же чувством, какое испытывал мальчик, в первый раз переступивший порог музея.

Достопримечательность лежала да спине, уставившись в потолок. Юстес лежал совершенно неподвижно, заставляя себя думать об одних лишь сухопутных предметах. Только таким

способом ему удавалось сгонять с лица зеленоватый оттенок. Но было бы слишком смело утверждать, что он хорошо себя чувствовал. Сэма он встретил со спокойной суровостью.

– Сядь, – проговорил он, – не раскачивайся на ногах, потому что мне от этого делается дурно.

– Что ты? Мы еще не вышли из гавани. Неужели у тебя уже началась морская болезнь?

– Я ничего не утверждаю. Когда мне удастся не думать об этом... за последние десять минут я достиг недурных результатов, упорно сосредоточиваясь на Сахаре. Вот это местечко, – с восторгом прибавил Юстес. – Это ландшафтик! На целые мили ничего, кроме песка, ни одной капли воды!

Сэм присел на диванчик.

– Ты совершенно прав. В таких случаях самое важное сосредоточиться на посторонних предметах. Почему бы тебе не рассказать мне, например, еще чего-нибудь о твоей несчастной любви к этой девушке Билли Беннетт, так, кажется, ты назвал ее?

– Вильгельмина Беннетт. Откуда тебе пришло в голову, что ее зовут Билли?

– Я заметил, что девушек, которых зовут Вильгельминами, друзья называют иногда Билли.

– Я никогда не звал ее иначе, как Вильгельмина. Но об этом я совершенно не в состоянии говорить теперь. Вспоминать о ней для меня настоящая пытка.

– Это именно тебе и нужно. Поступай, так сказать, по принципу анти возбуждения. Попробуй заставить себя, и ты немедленно забудешь, что находишься на судне.

– До известной степени ты, пожалуй, прав, согласился Юстес. – С твоей стороны очень мило сочувствовать мне.

– Дорогой мой... Для тебя я готов на все... Где ты впервые встретился с нею?

– За обедом... – Юстес вдруг запнулся. У него была хорошая память, и теперь ему вспомнилась рыба, которую подавали за этим обедом, – разваренная рыба, имевшая какой-то истомный вид и полузатонувшая в густом белом соусе.

– Что тебя поразило в ней прежде всего? Наверное, ее красивые волосы?

– Откуда ты знаешь, что у нее красивые волосы?

– Дорогой мой, я просто уверен, что у девушки, в которую ты можешь влюбиться, непременно должны быть красивые волосы.

– Ты совершенно прав. Волосы у нее действительно замечательные – с красноватым отливом...

– Подобно осенним листьям на солнце, – с экстатическим восторгом добавил Марлоу.

– Как странно, – воскликнул Хайнетт: – ты удивительно метко выразился! Глаза у нее темно-синие.

– Или, вернее, зеленоватые.

– Синие, говорю я!

– Зеленоватые! Некоторый оттенок зеленого легко принять иногда за синий.

– Какого черта можешь ты знать о цвете ее глаз? – разгорячившись, вскричал Юстес. Кто из нас будет рассказывать о ней, ты или я?

– Дорогой друг, не выходи из себя. Разве ты не понимаешь, что я пытаюсь, так сказать, сконструировать эту девушку в своем воображении, воссоздать ее? Конечно, я отнюдь не подвергаю сомнению твоих специальных сведений по этому вопросу, но обыкновенно рыжим присущи зеленые глаза, и бывают разные оттенки зеленого. Существует, например, ярко-зеленый цвет, как трава на лужайке, мутно-зеленый, как неотшлифованный изумруд, и желтовато-зеленый, как, например, твое лицо в данную минуту.

– Оставь, пожалуйста, в покое мой цвет лица. Вот ты заговорил о нем и напомнил мне то, что я начинал уже забывать.

– Виноват! Очень глупо с моей стороны. Выкинь это из головы. Так о чем мы говорили? Ах, да об этой девушке! Мне всегда казалось, что гораздо легче составить себе представление о физическом облике человека, когда знаешь что-нибудь об его вкусах... Чем она интересуется; например, какие ее любимые темы? О чем можно разговаривать с мисс Беннетт?

– О, о разных предметах!

– Да, но о чем именно?

– Например, она очень любит стихи. Это как раз и сблизило нас.

– Стихи! – Настроение Сэма несколько понизилось. Он читал иногда стихи в школе и раз даже получил премию в три шиллинга и шесть пенсов за последнюю строчку шуточного стихотворения на конкурсе какого-то еженедельного, журнала, но он обладал достаточной дозой самокритики, чтобы знать, что стихи – не его специальность. Тем не менее, на пароходе, была библиотека, и в ней, наверное, можно было достать собрание сочинений какого-нибудь общепризнанного поэта, чтобы от времени до времени цитировать его. – У нее есть какой-нибудь любимый поэт?

– Ей нравились, например, мои стихи. Ты никогда не читал моих сонетов к весне?

– Нет. А кто еще из поэтов нравится ей кроме тебя?

– Главным образом Теннисон, – ответил Юстес Хайнетт со странной дрожью в голосе. – Мы целыми часами читали с нею «Королевские идиллии».

– Какие? Что? – переспросил Сэм, вынимая из кармана карандаш и выправляя из рукава крахмальный манжет.

– «Королевские идиллии». Дорогой мой, неужели ты никогда не слыхал о «Королевских идиллиях» Теннисона?

– О, «Идиллии»! Конечно. «Королевские идиллии» Теннисона? Как же! Слыхал ли я когда-нибудь о «Королевских идиллиях» Теннисона? Ну, конечно. А что, у тебя нет с собой экземпляра этих «Идиллий»?

– Там, у меня в чемодане, томик Теннисона, который мы читали вместе. Возьми его и сохрани на память, а если хочешь – выкинь за борт. Я не желаю больше видеть его.

Сэм запустил руку под рубашки, воротники и брюки, сложенные в чемодане и нашел на дне томик в кожаном переплете. Он положил его возле себя на диванчик.

– Мало-помалу, дюйм за дюймом, – заговорил он, – я начинаю составлять себе портрет этой девушки, этой... Как ее там? Да, Беннетт, этой мисс Беннетт. У тебя просто талант насчет того, чтобы описывать людей. Она прямо как живая передо мною. Расскажи мне еще что-нибудь о ней. Не знаешь ли, как она относится к гольфу?

– Мне кажется, она играет в гольф. Как-то раз у нас зашел об этом разговор, и она с большим увлечением отозвалась об этой игре. А тебе зачем это?

– Просто так. Я скорее стал бы говорить с девушкой о гольфе, чем о стихах.

– Вряд ли тебе когда-нибудь придется беседовать с Вильгельминой Беннетт на ту или другую тему.

– Да, разумеется. Но я имею в виду девушек вообще. Некоторые девушки ненавидят гольф, и тогда положительно не знаешь, о чем с ними говорить. Теперь скажи мне, что больше всего раздражает мисс Беннетт. Я думаю, тебе случилось хоть раз сказать ей что-нибудь такое, что ей не понравилось. Мне кажется просто невероятным, чтобы она отказала тебе, если раньше вы никогда ни в чем не расходились и не ссорились.

– Видишь ли, у нас всегда выходили недоразумения из-за ее собаки. Нужно тебе сказать, что у нее была дурацкая собачонка китайской породы. Вот из-за нее-то мы и ссорились. Я не раз говорил ей, что не потерплю этой собаки в своем доме после того, как мы поженимся.

– Понимаю, – сказал Сэм. Он снова вытащил манжет и записал на нем: «собака». – Да, конечно, это должно было оскорблять ее.

– Да, но войди в мое положение. Эта противная собачонка укусила меня за щиколотку, как-раз накануне того дня когда мы должны были венчаться. Теперь, разбираясь в своем горе, я мысленно утешаюсь тем, что однажды, входя в комнату, наступил на собаку и, кажется, здорово отдал ей лапу,

– Тебе не следовало этого делать, – неодобрительно покачал головою Сэм. Он снова выправил манжет и приписал: «В высшей степени важно», – Может быть, именно это и заставило ее взять обратно свое слово.

– Что ж? Я ненавижу собак, – сердито заговорил Юстес; – помню, однажды Вильгельмина осталась чрезвычайно недовольна мною, потому что я отказался растащить двух грызущихся собак, к тому же еще чужих, которые сцепились на улице. Я говорил ей, что в настоящее время мы все бойцы, что жизнь в известном смысле не что иное, как борьба, но она не захотела и слушать меня. По ее мнению, сэр Гелехэд, наверное, вмешался бы в эту собачью драку. Я же думал иначе. У нас нет никаких доказательств, что сэру Гелехэду приходилось когда-либо впутываться в столь опасное предприятие. А кроме того, он был закован в латы. Дайте мне кольчугу, которая спускалась бы до самых щиколоток, и я охотно раскидаю в стороны хоть сотню дерущихся собак. Но в тонких фланелевых брюках, – благодарю покорно.

Сэм поднялся. На сердце у него было легко. Разумеется, он и раньше думал, что эта девушка – совершенство, но было все-таки приятно сознавать, что такого же мнения придерживается и другое лицо, у которого не было никаких оснований выставлять ее в благоприятном свете. Он понимал ее точку зрения и сочувствовал ей. Будучи идеалисткой, она не могла доверить свою судьбу Юстесу. Разве могла она довериться человеку, который, вместо того, чтобы рыскать по свету в поисках отважных дел, отказался исполнить первую же ее просьбу? Юстес обладал известными качествами, которые могли привлечь к нему на некоторое время сердце девушки, – он писал стихи, хорошо говорил и недурно пел, но как спутник в жизни... Для этой роли он не годился. Он просто не дорос до нее. Такой девушке, как Вильгельмина Беннетт, нужен был муж совсем в другом духе... Ну, скажем, вроде, – Сэм Марлоу чувствовал это, – вроде Самюэля Марлоу.

Наполненный чуть не до отказа подобными мыслями, он вышел на палубу, чтобы присоединиться к пассажирам, совершавшим моцион перед завтраком. Почти тотчас же ему попалась на глаза Билли. На ней было очень миленькое пальто для гулянья, выгодно подчеркивавшее ее красоту, а ветерок играл ее рыжими локонами. Рядом с нею прогуливался молодой Брим Мортимер.

При виде Сэма молодая девушка улыбнулась. Сколько магической прелести заключено в женской улыбке...

– А, вот и вы, мистер Марлоу!

– Вот и вы, – повторил Брим Мортимер с несколько иной интонацией.

– Да, решил подышать свежим воздухом перед завтраком, – ответил Сэм.

– О, Брим! – воскликнула девушка.

– Ну, что?

– Будьте такой милый, снесите пожалуйста мое пальто в каюту. – Я не думала, что сегодня так тепло.

– Хорошо, я понесу его на руке, сказал Брим.

– Глупости. Я совсем не хочу нагружать вас. Сбегайте и бросьте его в каюту на койку. Можете не сворачивать его.

– Хорошо, – сказал Брим.

Он помчался по палубе. Бывают такие мгновения, когда человек чувствует, что для полного его перевоплощения в фургон для перевозки мебели недостает только лошади и кучера. Такое чувство испытывал теперь Брим Мортимер.

– А вам не кажется, что ему следовало бы заодно почирикать с собачкой, когда он будет в каюте? – высказал мысль Сэм. Он понимал, что человек столь решительный характером, и с такими длинными ногами, как у Брима, может дойти до каюты, положить пальто и вернуться обратно в течение каких-нибудь тридцати секунд.

– Совершенно верно. О, Брим!..

– Хэлло!

– Когда вы будете в каюте, поиграйте немного с бедным Пинки. Он очень любит это.

Брим исчез. Не всегда Легко, глядя на спину человека, понять, что он думает и чувствует, но спина Брима, казалось, ясно говорила, какими мыслями занят се обладатель в этот момент: дайте ему две-три скрипки и пианино, и из него выйдет хороший бродячий оркестр.

– А как чувствует себя ваша собака, – учтиво осведомился Сэм, стараясь идти в ногу с девушкой.

– Значительно лучше, благодарю вас. Я подружилась здесь на пароходе с девушкой, не знаю, слышали ли вы ее имя, – с Джен Геббард, – это довольно известная охотница на крупных зверей; она дала мне какую-то микстуру для Пинки, и он сразу почувствовал себя гораздо лучше. Я не знаю точно ее состава, но туда, наверное, входит соус Кабуль. Она говорит, что всегда давала эту микстуру своим мулам в Африке, когда те хворали... Это очень милая девушка, а с вашей стороны очень любезно проявлять такое внимание к бедному Пинки, который укусил вас.

– Все они кусаются, – благодушно заметил Сэм. – Я очень люблю животных и в особенности собак.

– Неужели? Я тоже.

– Мне только не нравится, что они так часто дерутся между собой. Поэтому я всегда разнимаю собачьи драки.

– Я восхищаюсь теми людьми, которые знают, что нужно делать, когда собаки грызутся между собой, Сама я в такие минуты совершенно теряюсь. Она опустила глаза. – Вы читаете? Что это у вас за книга?

– Книга? Ах, да это... сочинения Теннисона.

– Вы любите Теннисона?

– Обожаю! – восторженно произнес Сэм. – Особенно... эти... его... – он посмотрел на манжет, – его «Королевские идиллии». Мне даже страшно подумать, что я стал бы делать во время переезда, не будь со мною Теннисона.

– Хотите, мы будем читать его вместе? Это мой любимый поэт.

– Конечно! Знаете, в Теннисоне есть что-то такое...

– Да, не правда ли? Я сама часто так думала.

– Иные поэты пишут длиннющие повести или там разные другие штуки, а есть такие, которые пишут все стихотворения в несколько строф, и только у Теннисона, по моему мнению, одинаково хороши, как длинные, так и короткие вещи. У него на каждой странице лунки.

– Это сравнение указывает на то, что вы играете в гольф?

– Если я не читаю Теннисона, то играю в гольф. А вы играете?

– Не только играю, я ужасно люблю гольф. Удивительно, сколько у нас общего во вкусах. Вы, по-видимому, любите все то, что люблю я. Мы действительно должны стать друзьями.

Он на мгновение задумался, выбирая лучших из трех пришедших ему в голову ответов, но в это время прозвучал гонг, приглашавший к завтраку.

– Ах, господи, мне надо спешить! Надеюсь, мы встретимся здесь попозже.

– С удовольствием, ответил Сэм.

– Мы сядем и будем читать Теннисона.

– Прелестно. Вы, я и Мортимер?

– Нет, Брим пойдет в каюту развлекать Пинки.

- Он уже знает об этом?
- Еще нет, – ответила Билли. – Я сообщу ему об этом за завтраком.

Глава IV

Сэм втирается

§ 1

Настало четвертое утро морского путешествия. Разумеется, когда эта повесть будет переноситься в фильм, такого краткого сообщения окажется недостаточно. Придется поставить выразительный титул или велеречивую надпись, или еще что-нибудь в этом роде, например:

И так в полной безмятежности протекали дни, насыщенные надеждой, юностью и любовью, соединяя два юных сердца шелковыми цепями, выкованными смеющимся богом любви.

При этом мужчины в зрительном зале переложат свою жевательную резину за другую щеку и крепче сожмут руку своей соседки, а тапер за роялем заиграет: *«Каждому хочется получить ключ от моего погреба»* или что-нибудь в этом роде, столь же подходящее, задушевное и тягучее, а рассеянный взгляд его устремится на недокуренную папиросу, которую он положил на самую нижнюю октаву, рассчитывая докурить ее по окончании картины. Но я предпочитаю краткое и откровенное заявление. Это моя повесть, и я поступаю, как хочу.

Самюэль Марлоу, завернутый в купальный халат, вернулся к себе в каюту после холодного душа. В его походке сквозила та несокрушимая гордость, которая проглядывает в движениях человека, принявшего холодный душ, в то время как он имел возможность сесть в горячую ванну. Он поглядел в иллюминатор на сверкающее море. Он чувствовал себя сильным, счастливым и твердым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.